

Алексей
Савватеев:
«Бог не зря навел
нас на теорию
вероятности —
чтобы мы слишком
далеко не лезли»

Фото Александра Гаврилова

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» доктора физико-математических наук Алексея Савватеева.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: У нас традиция — я всегда спрашиваю гостя о его самоидентификации. Вот как Вы ответите на вопрос: кто Вы?

Савватеев: Я популяризатор математики среди детей и взрослых, то есть, если можно так выразиться, несу свет математики в массы. А если попроще, то езжу по всей стране и показываю, что математика — это не какие-то страшные закорючки, которым вас учили: повторить сто раз формулу вычисления корней квадратного уравнения, а исключительная, Божественная красота.

Фото Владимира Ештокина

Мои друзья, которые, в отличие от меня, по-настоящему занимаются математикой, говорят: математика — это язык общения с Богом.

С помощью молитвы можно взывать, просить, а математика — это разговор с Богом напрямую. Звучит, конечно, дерзко, но что-то от истины в этом есть. Бог дал нам этот язык для возможности ясного, четкого формулирования своих мыслей.

Атеизм — это такая же вера, очень фанатичная.

И люди, которые ее исповедуют, служат этому своему «богу отсутствия бога» тем, что любую историю обязаны объяснить без участия Бога. Это такая игра: дай мне любую, самую чудесную историю, а я тебе изложу, как она могла бы произойти, если бы Бога не было. И атеисты всю жизнь в нее играют — так они устроены.

Мой (увы, уже покойный) друг-атеист утверждал, что невозможно локально отменить законы физики, и, значит, никаких чудес быть не может.

А я ему говорю: слушай, Богу все возможно, возьмет и отменит на секунду твое видение этих законов. Это спор философский, но я-то вполне допускаю настоящие чудеса. Что мы знаем? Ну, что, если я отпущу камень, он обязательно упадет. Но эта наша картина мира сложилась благодаря тому, что мы изучали этот мир, много экспериментировали и убедили себя в том, что то, что мы в эксперименте обнаружили и подтвердили, будет происходить всегда. Но я не думаю, что 3000 лет назад в этом была необходимость. То

есть когда в Библии говорится, что море расступилось, я совершенно не уверен в том, что оно на самом деле — в прямом смысле — не расступилось. Хотя может быть, это и притча...

Ну или скажем, шесть дней творения. Это же явно не шесть суток, потому что Земли-то еще не было, а сутки — это время её полного поворота вокруг своей оси (здесь есть тонкости, но мы их опустим). Но не это же важно. Мысль в том, что было шесть принципиальных волевых актов творения.

А в случае с морем — Бог его знает, может, оно и на самом деле расступилось. Просто сегодня над нашим мозгом довлеет система физических законов. Но даже и теперь, когда люди принимают некоторые вещества, они попадают в какие-то иные реальности с иными законами...

То есть я бы ничего априори не отрицал. Я думаю, возможность чудес существует, более того, думаю, в истории Земли они непременно были. Просто никогда нельзя доказать, что какое-то конкретное чудо произошло, потому что тут же найдется тысяча людей, которые придумают, что тоже что-то такое видели. А тот, кто видел это чудо, обязательно его домыслит и расскажет, что видел не только как море расступилось, а что там плясали какие-нибудь черти. Вот почему «изучить» чудо с помощью науки невозможно.

Наука — это часть системы познания мира, которая относится к повторяемости ситуаций и к установлению законов, по которым они повторяются.

Но если вы представите себе, что создаете мир, вы наверняка введете в нем свои правила игры.

▲ Лекция о теории игр перед студентами Института физико-математических наук и информационных технологий БФУ им. И. Канта, г. Калининград. Фото: Елизавета Зезюля/myatom.ru

Нелепо думать, что Господь каждую секунду все делает Сам, понятно, что Он оставляет людям законы, которыми они могут воспользоваться, чтобы, к примеру, построить самолет. И наука эти законы изучает. То есть она изучает то, что нам оставлено, чем мы можем пользоваться. Но любой нормальный ученый прекрасно знает, что в каждой науке расставлены красные флажки, за которые заходить нельзя. И кто, если не Господь, их расставил, интересно?

Есть в математике теорема Гёделя о неполноте.

Я ее учил и сдавал на четвертом курсе мехмата МГУ. Я тогда сказал: «Слушайте, а есть кто-то в этом зале, кто после этого еще атеист?» А мне в ответ: «Ой, Савватеев, опять ты за своего Бога взялся! А это вообще формальное утверждение, оно никакого отношения к Богу не имеет...» На самом деле эта теорема говорит, что в любой непротиворечивой аксиоматической теории есть верное, но недоказуемое, не выводимое из ее аксиом утверждение. Просто вдумайтесь! Утверждение верно, но недоказуемо — это что? Это же явный красный флажок: вот сюда, за эту черту заходить нельзя! В математике на самом деле такого много. В физике тоже.

К примеру, почему мы не умеем предсказывать погоду? Система уравнений, которая задает движение воздушных масс, трехмерная: давление, температура, влажность — они не предсказуемы даже приблизительно далее чем за шестидневный горизонт. Потом начинаются только усредненные режимы: мы сравниваем данные, допустим, за 150 лет и выбираем ситуации, похожие на сегодняшние. И иногда это работает. Но не всегда. Выходит, что Господь незря навел нас на теорию вероятности — чтобы мы слишком далеко не лезли.

Когда вы глубоко погружены в математику или какую-то другую науку, ваше развитие в ней — это уже вопрос вашей веры.

В конце концов, все равно, куда вы пойдете, что вы считаете важным, какие направления кажутся вам перспективными, — это интуиция, которая складывается из большого труда, который вы потратили, чтобы эту науку изучить. Но одновременно добавляется что-то новое, и какое-то вдохновение подсказывает вам: а вот сюда надо идти. И это, скорее всего, оттуда, «сверху». Поэтому большинство величайших ученых — за редким исключением — были верующими. Про Эйлера, например, король Германии говорил: «От него пахнет попом». Он каждый день собирал всю семью для часовой молитвы.

Но бывают еще феномены типа Эйнштейна, когда человек пришел к чему-то внешнему, но не понимает, что это. Он не принадлежит ни к какой религиозной традиции, но видит, что всем, что происходит, все-таки управляет какой-то внешний разум.

Есть несколько стадий погружения в религиозность. И первая — когда тебя огорошивает, просто как обухом по голове, что есть что-то вне, что оно существует.

Как было со мной, когда я крестился: я просто увидел огромный внешний мир вне всей этой математики, которой я занимался. Например, отношения людей. Как их описывает математика? Да никак. Вот назову я какого-нибудь атеиста, скажем, козлом — он обидится. А в силу каких законов ему будет обидно? Верующему человеку понятно, почему это обидно: он знает, что кроме научных законов есть еще и предствления о морали. А вот если там одни химия и биология, откуда возникают обиды?

Легойда: Вы как-то рассказали замечательный случай, когда вы сняли крестик на пляже, забыли его там, потом ваши друзья весь пляж перерыли — не нашли, а дальше вам приснилось, где он лежит, вы побежали — и нашли.

Савватеев: Белый песок, прозрачный песок, а на нем настоящие кусты...

Легойда: Это во сне?

Савватеев: Да, просто как наяву, и крест — вот он лежит. Я во сне замеряю расстояние до кустов...

Легойда: То есть математика и во сне продолжает работать?

Савватеев: До сантиметра! Прсыпаюсь, и это все — в голове. Я бегом туда, вычисляю, и первое, что вижу, — свой крестик!

Или, скажем, атеист говорит: «Никакого Бога нет, есть только уравнения», — отлично, но мы помним ситуации, когда это было доведено до абсурда. Например, конец XVIII века, культ разума во Франции, когда головы летели просто одна за другой и реки крови лились. Или наш XX век. А Пол Пот? Гитлер? То есть как только мы отходим от концепции, что отношениями людей управляет религия, как только наука пытается взять на себя эту роль, сразу начинается inferнальное зло с миллионами жертв. То есть наука просто не имеет права на это посягать. Никогда!

Я человек очень слабый, я просто не понимаю, как можно жить, если не знать, что после смерти тебя что-то ждет.

Вот, скажем, вдохновение — откуда оно берется? Изнутри? Никогда! Вдохновение — это внешняя вещь.

Да, мы слабы, но для нас никакого противоречия в этом нет. А те люди науки, которые стремятся к отсутствию противоречий, на самом деле этими противоречиями полны. Просто, признавая противоречия, мы тем самым снимаем с себя необходимость во всем следовать логике. Вот я — математик, но в жизни я поступаю совершенно нелогично и имею на это полное право.

Каждая система знаний о том, что будет после смерти, — это и есть религия, то есть то, что в принципе непроверяемо. Наука — про то, что здесь, а религия — про то, что там.

Но если ты долго читаешь религиозные тексты, углубляешься в них, то понимаешь их законы почти математически. Но и в высокой математике происходят очень похожие вещи, то есть, когда ты разбираешься в действительно сложных конструкциях, там начинается тоже что-то типа заповедей: вот здесь лучше делать так, и это правильно, а вот этот способ мышления ни к чему не приведет. То есть наука без веры — это для недоучек, для троечников, для людей, которые получили диплом, защитили диссертацию и бегают, всем рассказывают, какие они умные. Это обычные недоросли.

Болезнь молодых — нирванообразный пофигизм. Это когда человек живет, и ему абсолютно ничего не надо.

Вот взял компьютер, вызвал машину, поехал в город Видное, а завтра пошел гулять на какие-то холмы. При этом он программист, ему на жизнь особо зарабатывать не надо, он это делает быстро, семья ему не нужна, он считает, что это обуза. Да и нет в современном мире такого слова — семья, новый мир выращивает людей, неспособных к дальнейшей репродукции.

Как с таким говорить о вере? Он скажет: «Ну, не знаю, какой-то Бог... А зачем Он мне нужен? Лично мне Он не нужен». Я и такое слышал: «Какой-то холивар у тебя, Савватеев. Есть там Бог, нет — какая мне разница?» Я говорю: «А ты знаешь, что с тобой будет после смерти?» — «Да до смерти еще тысячу лет жить».

Среди людей, которые мне очень помогают, тоже есть ребята с такими воззрениями. Пока мы с ними в одной обойме, я за них молюсь. Они не верят в Бога, но верят мне, и я сейчас за них в ответе. Нет смысла их сейчас ни в чем убеждать, они воспринимают все как часть хайпа. Но когда кого-то из них огоршит или кто-то влюбится по-настоящему, без дураков, он создаст семью и будет нормальным человеком. Надежда есть всегда.

▲ У Алексея пятеро детей: Мишенька (17 лет), Галочка (15 лет), Света (10 лет), Юра (7 лет) и Наденька (1 годик). Алексей часто ходит в походы. Но поход — не повод бросать математiku! На фото: в походе с младшими, Байкал, август 2021

Мудрость — это где-то между равнодушием и глупостью.

Глупость — это включаться во все конфликты подряд, а равнодушие — это на все подряд просто «забыть». А мудрость — она где-то посередине, идет по лезвию ножа. Ты берешь на себя ровно те проблемы, которые ты можешь решить.

Мои вьедливые друзья из агностиков говорят: «Это не Бог тебя по городам гонит, а твое тщеславие». Что-то в этом есть.

Но я думаю, возможно, у Господа есть какие-то планы, чтобы наша страна увидела через меня много математики. Как-то один священник мне сказал: «Если ты не можешь популяризировать без тщеславия — популяризируй с тщеславием». То есть хлеб без отрубей вкуснее, но, если его нет — ешь с отрубями.

Прощения просят за тот или иной грех, например за невнимательность к человеку. Ошибка в математике — не грех.

Если, конечно, ты не ферматист (они продолжают заниматься теоремой Ферма, хотя она давно доказана — *Ред.*). Вот этих надо сразу гнать к священнику — они в глубокой прелести.

Но обидно бывает, когда ты был уверен, что получил красивое решение какой-то задачи, и потом сам же нашел в нем ошибку или тебе на нее указали. Правда, это обидно на один день, завтра про это забываешь.

У меня есть болезнь: я всегда прав. Я очень самоуверенный человек.

А раз так — ты кому-то что-то грубо сказал, кого-то просто припечатал, мол, математикой ему заниматься не надо, потому что он бездарь... А может быть, не надо было так говорить в этот момент. И очень тяжело попросить прощения, да и не примет он прощения, скажет: «хорошо», но запомнит. ➔

Фото Александра Гаврилова

Да, мне очень трудно просить прощения, но очень легко прощать, если человек пришел и сказал: «Да, виноват, дурак был, прости», — сразу прощаю. Не прощать — это смертельно

опасно. Ты приходишь на исповедь, тебя спрашивают, у всех ли ты попросил прощения, всех ли ты простил. То есть это для Бога важно.

Я люблю своих врагов — это очень хорошая заповедь. Кстати, я и ко Христу пришел, когда это увидел.

Мне было 13 лет, я был ботаном, которого любили хулиганы, потому что всегда списывали у меня математику и физику. Я был защищен, был «под крышей», но правила там были четкие: враг — значит враг, а врагам прощения нет. А я всегда чувствовал, что это плохо, это же обычный парень, просто с другой улицы, какой он враг? А потом вдруг пришел человек и говорит: «Слушай, у Христа врагов любят». И выстроилась очень простая и понятная конструкция: мы на самом деле всю жизнь играем в игры. Что такое Россия, Америка? Мы играем в «войну», ну, нам так веселее жить. А я люблю Америку. И люблю людей, с которыми постоянно воюю по разным поводам. Я сразу это принял. **✚**

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Представьте, что к вам приходит ваш ребенок и говорит: «Я понял, что Бога нет, потому что нет никаких доказательств Его бытия». Где в таком случае вы поставите знак препинания в предложении: «Убеждать нельзя промолчать?»

Савватеев: «Убеждать, нельзя промолчать». Потому что человек явно находится во власти культа разума. Это такая религия, которая уже привела к многочисленным человеческим жертвоприношениям. И если он дальше пойдет по этой тропе, то станет рабом этой страшной секты. И лучше ему как можно раньше объяснить, что, даже если нельзя доказать чьего-то существования, это еще ничего не значит.

Посмотрите на прихожан любого храма — это нормальные люди, взвешенные, способные, когда это нужно, включать логику. Если я хочу узнать, когда мой трамвай приедет на конечную остановку, я беру количество остановок и умножаю на средний интервал времени между ними. То есть применяю инструментарий науки. И это нормально.

Но человек, который говорит, что все, что происходит вокруг, можно объяснить с помощью науки, — раб этого культа, и я хочу его оттуда вытащить. Жизнь — это не разум, жизнь — это иррациональная, совершенно хаотическая штука, и, если с помощью науки человека когда-нибудь все-таки превратят в робота, это будет конец истории.

Полную версию «парсуны» Алексея Савватеева, а также рассказы других известных людей о самих себе вы найдете в новой книге Владимира Легойды «Парсуна. Откровения известных людей о Боге, о вере, о личном».

Фото Владимира Ештокина

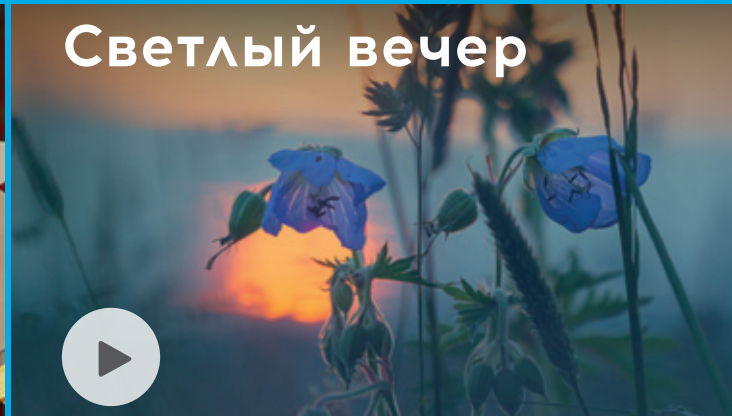

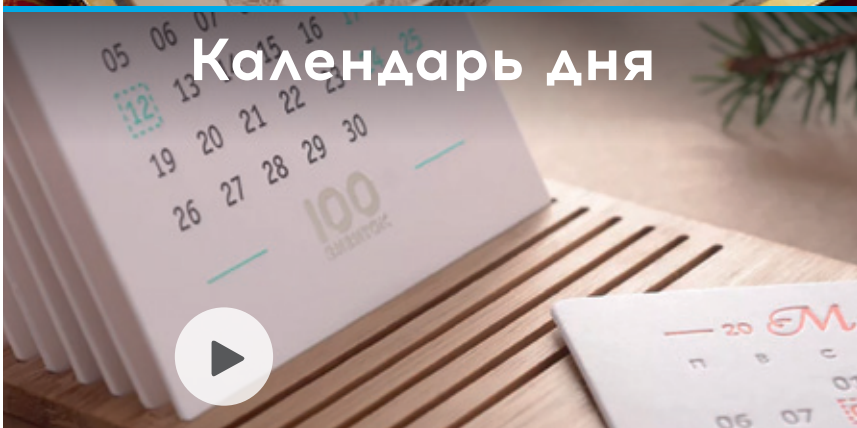
Евангелие дня

Светлый вечер

Календарь дня

Апостольские чтения

Семейные истории с Туттой Ларсен

Родники небесные

В FM-диапазоне:

Москва 100,9 FM • Братск 107,2 FM • Волгоград 92,6 FM
Екатеринбург 93,7 FM • Ижевск 97,0 FM • Иркутск 88,5 FM
Краснодар 87,9 FM • Красноярск 95,4 FM • Новосибирск 94,6 FM
Омск 90,5 FM • Пермь 95,0 FM • Самара 96,8 FM • Тюмень 92,4 FM
и в других городах.

РАДИО ВЕРА НУЖНА ВАША ПОСТОЯННАЯ ПОДДЕРЖКА.
ВЫ МОЖЕТЕ СТАТЬ **ПОПЕЧИТЕЛЕМ** РАДИО ВЕРА ПО QR-КОДУ →
ИЛИ НАЖАВ НА КНОПКУ **ПОМОЩЬ РАДИО** НА САЙТЕ

RADIOVERA.RU

